

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ

PETERSBURG TEXT

УДК 82

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МЕЧТЫ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

© Соловьева Анастасия Дмитриевна (2022). ORCID: 0000-0002-2244-1478, бакалавр, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23), anastasia.solovyova.7@mail.ru

В статье анализируется феномен «мечта» в художественном мире гоголевской повести «Невский проспект» (первая публикация – 1835 г.). Отмечается двойственность данной реалии. С одной стороны, мечта – это попытка героя воплотить невозможный в действительности идеал единства красоты и добра. Мечтания героя вбирают в себя романтическое содержание, связанное с желанием видеть эстетическое и одновременно этическое совершенство, ведь прекрасная наружность воспринимается им как свидетельство того, что человек отмечен Богом, красота дана ему ради того, чтобы рождать в душах других мысль о чистоте и гармонии. С другой стороны, мечта молодого художника Пискарева имеет и свою тёмную сторону: она представляет собой неосознанный бунт против Творца, результат самообмана, непринятия реального мира, в котором каждый человек может свободно выбирать между добродетелью и пороком, тем самым не соответствую чужим, даже вполне оправданным ожиданиям. У героя не хватает сил ни для отказа от своего идеала, оказавшегося нежизнеспособным в действительности, ни для борьбы со злом, именно поэтому выход он находит в мечте как альтернативной реальности. Неоднозначность мечты в произведении объясняется в статье спецификой того периода духовного пути самого Н.В. Гоголя, на который пришлось создание «Невского проспекта» (1833–1834 гг.). Повесть вышла из-под пера писателя, находившегося одновременно под влиянием эстетико-гуманистической философии, признающей единство эстетического и морального идеала, и под влиянием христианской веры, усвоенного с детства религиозного мироцентризма, в рамках которого мечтание имеет негативную окраску.

Ключевые слова: Гоголь, «Невский проспект», мечта, амбивалентность, идеал.

Первая часть повести «Невский проспект», открывающей гоголевский «Петербургский цикл», посвящена теме мечты.

Несмотря возрастающий интерес к изучению наследия Гоголя и множество исследований в этой области, эта тема в его творчестве, в данной повести в том числе, остается актуальной и по сей день. В большинстве работ, посвященных «Невскому проспекту», феномен мечты либо только затрагивается [Гиппиус 1994, Зеньковский 1994, Сокурова 2009], либо используется в процессе изучения другого аспекта произведения писателя [Степанов 1959, Фаустов 2010, Манн 2012], либо раскрывается лишь с одной стороны [Агаева 1996, Бухаркин 1996]. Большой вклад в изучение собственно феномена мечты в художественном мире этого произведения был сделан, в частности, Т.И. Агаевой [Агаева 1996], П.Е. Бухаркиным [Бухаркин 1996], А.А. Фаустовым [Фаустов 2010]. Вместе с тем заявленная тема все же не получила полного раскрытия, как и говорилось выше.

На наш взгляд, анализ такой сложной духовно-душевной реалии в первой повести цикла должен включать в себя два аспекта, две «точки отсчета». Это обусловлено тем, что этап жизни Гоголя, когда создавался «Невский проспект», был отмечен мировоззренческим синтезом, который не мог не отразиться в текстах писателя. В начальный период своего духовного пути Гоголь разделял (но не принимал без критического рассмотрения) философию «эстетического гуманизма». Суть этого течения состояла в признании внутреннего единства эстетической и моральной сферы человеческой души, которые, по мнению сторонников этого учения, не способны развиваться друг без друга. В то же время при исследовании этого феномена нужно учитывать также религиозную основу наследия Гоголя, поскольку в истине христианской веры, как отмечает В. Зеньковский [Зеньковский 1994, 248], писатель никогда не сомневался, а значит, она всегда оказывала на его представления, суждения и творчество серьезное влияние (хотя в разные периоды сила этого влияния была неодинакова).

Грезы Пискарева унаследовали эту амбивалентность гоголевской картины мира, вобрав в себя как романтическое содержание, связанное с поиском эстетико-этического совершенства, так и то, которое корнями уходит в восточнохристианское богословие, осмысляющее мечту как опасное, «скользкое» явление, способное привести человеческую душу к гибели. Получается, что мечта в «Невском проспекте» обладает двумя взаимопроникающими «ипостасями».

С одной стороны, мечта в этом тексте представляет собой романтическую тягу к недосягаемому гуманистическому идеалу – калокагатии – и говорит об устремленности художника к высоким сферам. В сознании гоголевского художника красота тела не может сосуществовать с уродством души, поскольку в его глазах человек с прекрасной наружностью – это в первую очередь тот, кто особым образом отмечен Богом, получил от Него в дар «божественные черты» для дел спасения: «...красота <...> только с одной непорочностью и чистотой сливаются в наших мыслях» [Гоголь 1938, 22]. Он отказывается верить, что за прелестным обликом способны скрываться гнилое сердце и извращенный ум, и выражает свое непринятие, отторжение «нереальной», невозможной (по его представлениям) реальности, формируя воображаемый образ. Иными словами, в таком ракурсе грэзы героя – это фантазийное воплощение его сокровенного возвышенного желания видеть в человеке гармонию духовной и телесной красоты.

Однако трагическая судьба петербургского живописца говорит о том, что мечтание обладает и «темной» стороной. Казалось бы, мечта-идеал должна была вдохновить героя на активное и сознательное преобразование мира (в первую очередь, мира собственной души) на высших началах, должна была стать путеводной звездой к настоящему совершенству и инструментом самопознания. Однако в повести происходит обратное: Пискарев замыкается на своей грэзе, «начинает видеть не реальность, <...> а свои представления о том, какой должна быть жизнь» [Бухаркин 1996, 186]: «“...я вовсе не та, за которую вы принимаете меня <...>, разве я способна к тому, что вы думаете?” – “О! нет, нет! пусть тот, кто осмелится подумать, пусть тот...”» [Гоголь 1938, 29].

Встреча с красавицей, чья жизнь разрушала пискаревскую концепцию, согласно которой внешне прекрасный человек должен быть прекрасен и внутренне, становится для героя роковой: хрупкое «согласие» между ним, его идеалом, представлениями о том, каким должно быть мироздание, и миром как он есть дает трещину. Но, вопреки очевидному несоответствию между ожиданием и фактом, в сознании Пискарева не происходит ниспровержения гуманистической идеи синтеза духовной и материальной красоты. У героя не хватает мужества ни отказаться от своего нежизнеспособного идеала, ни выступить против «адского духа», ввергнувшего Красоту в пучину порока, и именно это открывает

дорогу мечте – своего рода «альтернативной реальности». Мучимый ужасом того, что преследование обладательницы иконописной внешности завершилось в притоне, юноша пытается спастись от скверны действительности в самом себе, черпая силы в собственной душе. Подсознание, а затем и сознание художника, «закрывшись» от настоящего мира, порождает во сне собственный, субъективно совершенный. Тем самым Пискарев «пытается изменить эту реальность посредством опиумных сновидений, делая ее таким образом соответствующей своему мироощущению» [Прасковьина 2010, 786]. В снах-мечтах героя увиденная на Невском проспекте женщина необыкновенной красоты обретает такую же чудесную душу («через эти сновидения самый предмет как-то более делался чистым и вовсе преображался» [Гоголь 1938, 30]), т.е. реальный образ наполняется противоположным, угодным самому мечтателю содержанием.

Таким образом, мечта в «Невском проспекте» выступает в роли средства, с помощью которого герой надеется излечить смертельную рану на своем нежном идеале (другими словами, она выполняет функцию «духовного плацебо»); это ирреальная форма идеала, отчаянная попытка вернуть навеки утраченное единство эстетического и этического, в котором усомнился сам Гоголь.

Упиваясь картинами своего воображения, Пискарев, однако, осознает эфемерность сформированного им макрокосма. Конечно, художник пытается изменить ужасную действительность, приблизить ее к своей утопии: он решает возвратить «миру прекраснейшее его украшение» [Гоголь 1938, 31], женившись на падшей женщине, если та раскается. Между тем герой намеревается совер什ить свой «подвиг» необдуманно, с горя, в тот момент, когда находится на грани агонии и отчаяния, теряя веру в возможность существования созданного им идеала. На это указывает то, что живописец в конце концов смягчает требования к своему совершенству, придумывая «ремеслу» юной проститутки «извинение» («вовлечена <...> невольным ужасным случаем в разврат» [Гоголь 1938, 30–31]). Так, желание Пискарева пребывать в мире, где находится его идеал, усиливается прямо пропорционально возрастающему осознанию химеричности самой фантазии. Чем больше художник «срастается» с мечтой, тем отчетливее он видит и чувствует ее несоответствие реальности, точнее, несоответствие реальности мечте. В итоге наивная попытка Пискарева «привить»

фантазийный образ к действительности оканчивается провалом.

Возвышенная мечта бедного художника не только не подстраивает под «аксиому красоты» реальный мир и реального человека, не дает несчастному Пискареву покоя и не защищает поруганный и уничтоженный злом идеал, но, напротив, губит и тело, и душу героя, выступая катализатором болезненности его духовного состояния. Говоря на языке христианства, мечтанию всегда сопутствует страсть, или даже так: мечтание всегда порождается и «подогревается» той или иной страстью: «Праздной и беспечной душе свойствен этот недуг – в бодрственном состоянии тела видеть сны» [Василий Великий 2008]. «В мечтах – “я” играет первую роль, в удовлетворение какой-нибудь из своих страстей. Человек, пребывая на одном месте, мстит, бранится, ненавидит, завидует, гордится, ведет войну и проч... Так как сим увлекается вся душа, то мечта сквернит человека в себе самом» [Феофан Затворник 2010, 348]. «Предметом мечтаний большею частью бываем мы сами: то мы сочиняем себя богачами, то думаем возвыситься до редких достоинств (быть князьями), то ожидаем какой-то необычайной перемены в своих обстоятельствах, то строим себе крайне отважные предприятия (“воздушные замки”)» [Евгений Попов 2019]. В случае Пискарева мечтания являются, судя по всему, порождением его уныния, праздности и гордыни.

Тем не менее в заключительной фразе рассказчика: «Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев» [Гоголь 1938, 33] слово «страсть» обладает не тем смыслом, который вкладывают в него религиозные мыслители, и означает не мечту. По всей вероятности, под «страстью» в повести понимается любовь – чувство, обладающее в ряде произведений писателя инфернальным оттенком: «Мысли Гоголя о демонической природе красоты и гибельности любви основаны на его личном психологическом опыте: он испытывал ужас перед любовью, предчувствуя ее страшную разрушительную силу над своей душой...» [Мочульский 2022, 24]. По мнению Мочульского, «он <Пискарев – А.С.> гибнет от силы женской красоты», обладающей божественным происхождением, но изуродованной чертом здесь, на земле [Мочульский 2022, 26]. Вместо спасения такая красота, как и любовь к ее носительнице, прекрасной женщине, приносит лишь смерть. Так, внезапно вспыхнувшее сильное чувство становится одной из причин гибели героя. Однако, как мы можем видеть, роль фантазии в его страшной

кончине оказывается отнюдь не меньше роли любви.

Мечта в гоголевской повести означает (наряду с идеалом) и полное отрицание действительности, в начале – только ее грязной, порочной стороны, в конце – реальности в целом, в том числе подлинной красоты и добра, т.е. всего Божьего мира и его высшей справедливости [Бухаркин 1996, 186]. Непринятие жизни как таковой в итоге «означает недовольство Источником последней» [Бухаркин 1996, 186] и приводит к бегству Пискарева в иллюзорные сферы, в которых по определению не может быть Бога. В результате герой с идеалистическими представлениями превращается в богоборца, а самовольный уход из жизни становится апогеем его бунта против Создателя. Отметим, однако, что сам герой все же не осознает, что отстраняется от Творца, в Пискареве нет осмысленного богоотвержения.

Художник, вероятно, считает, что само его несогласие с реальным положением дел, непринятие факта существования опорченного совершенства, есть единственно верное с точки зрения нравственности решение. Герой не хочет видеть глумление греха над «божественными чертами», но вместо реального делания добра, самосовершенствования, которое может изменить также и находящихся рядом с тем, кто борется со злом внутри себя, он пытается заместить сущее призраками, замыкается на своей мечте, пытаясь в пространстве вымысла спасти реальный дар Неба – красоту: «Боже, какой сон! И зачем было просыпаться?» [Гоголь 1938, 27]. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! <...> Я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшо мечтою...» [Гоголь 1938, 29–30]. Это эфемерное пространство становится для него важнее объективно существующего мира, в том числе его духовной, небесной стороны. Но, не найдя (или, может быть, не желая принять) Божественного Идеала и проиграв в «сражении» за душу незнакомки, Пискарев «обездвиживается» своей прекрасной и несовместимой с реальностью грезой, превращаясь в ее раба. Так, романтический идеал, трансформировавшийся в фантазийный образ, постепенно становится кошмаром.

«Вампирическую» природу грез подтверждает и описанное рассказчиком состояние художника после мечтательного забытья. В тексте указывается, что фантазии в буквальном смысле лишили юношу жизненных сил, негативно влияли на его самочувствие:

«...сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом <...>. <...> Глаза его <...> без всякой жизни глядели в окно <...> если бы его кто-нибудь видел <...>, то верно принял бы за лунатика или разрушенного крепкими напитками; взгляд его был вовсе без всякого значения <...>. Такое состояние расстроило его силы» [Гоголь 1938, 28]. В результате «сномечтания» настолько сильно подорвали здоровье Пискарева, что тот начал страдать от бессонницы, которая для него была равносильна смерти: сон составлял его «единственное <...> богатство» [Гоголь 1938, 28]. Чтобы не лишиться возможности созерцать свой идеал, герой решает принимать опиум. Устремленность в мир грез приводит художника к наркотику, а затем и к самоубийству. Замыкание на самом себе, отказ от жизни как в низком, так и высоком ее понимании заканчиваются и духовным, и телесным саморазрушением.

Итак, в «Невском проспекте» складывается неоднозначная картина феномена «мечта». Созданный Пискаревым воображаемо-желаемый образ – это и устремленность к неосуществимому идеалу эстетического гуманизма, поиск неба на земле, и потенциальный носитель бунта против Творца. Возможность совмещения обоих аспектов мечты указывает не только на присущую этому явлению сложность, но и на многоплановость именно гоголевского восприятия мечты. Вероятно, оно обусловлено неоднородностью мировоззрения писателя на момент создания повести, а также произошедшим в XIX веке изменением в понимании и оценке такой реалии духовного мира человека, как мечта. Ее старое, исконно-христианское восприятие соединилось с новым, положительным: произошло «как бы расщепление имени», при котором «одна его линия выражает прежнее, негативное понимание, другая выдвигает положительное, часто апологетическое» [Бухаркин 1996, 193].

Источники

Гоголь 1938 – Гоголь Н.В. «Невский проспект» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 3. Повести. М., 1938. С. 9–46.

Василий Великий 2008 – Василий Великий, святитель. *Творения [в 2-х томах]. Том первый: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы.* М., 2008. [Электронный ресурс]. URL: mailto:https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/sobranie-sochinienij/#t1 (дата обращения 11.11.2022).

Евгений Попов 2019 – Евгений Попов, протоиерей. *Нравственное*

богословие для мирян: в порядке десяти заповедей Божиих [в 2-х томах]. Т. 1. М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otchnik/Evgenij_Popov/nravstvennoe-bogoslovie-dlja-mirjan/#sel= (дата обращения 8.11.2022).

Феофан Затворник 2010 – Феофан Затворник, святитель. *Начертание христианского нравоучения*. М., 2010

Литература

Агаева 1996 – Агаева Т.И. *Мифологизация мечтателя в Петербургских повестях Н. В. Гоголя // Література та культура Полісся*. Вип. 7. Ніжин, 1996. С. 79–83.

Бухаркин 1996 – Бухаркин П.Е. *Мечта в русской традиции. Историческое и трансисторическое в развитии имени // Имя – сюжет – миф*. СПб., 1996. С. 178–194.

Гиппиус 1994 – Гиппиус В.В. *Гоголь // Гиппиус В.В. Гоголь*. Зеньковский В. Н.В. Гоголь. СПб., 1994. С. 9–188.

Зеньковский 1994 – Зеньковский В. Н.В. *Гоголь // Гиппиус В.В. Гоголь*. Зеньковский В. Н.В. Гоголь. СПб., 1994. С. 189–338.

Манн 2012 – Манн Ю.В. *Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835 годы*. М., 2012.

Мочульский 2022 – Мочульский К.В. *Гоголь. Соловьев*. М., 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/497594> (дата обращения 8.11.2022).

Прасковьина 2010 – Прасковьина М.В. *Граница в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. Т. 12. № 3 (3) (35). С. 785–787.

Сокурова 2009 – Сокурова О.Б. «*Петербургские повести* Гоголя: опыт духовного прочтения // История и культура. 2009. № 7. С. 128–157.

Степанов 1959 – Степанов Н.Л. *Н.В. Гоголь: Творческий путь*. М., 1959. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ste/ste-001-.htm> (дата обращения 8.11.2022).

Фаустов 2010 – Фаустов А.А. *Эстетическая теология Н.В. Гоголя (шесть лекций о повестях «третьего тома»)*. Учеб. пособие. Воронеж, 2010.

AMBIVALENCE OF THE DREAM IN THE TALE «NEVSKY PROSPECT» BY N.V. GOGOL

© Solovyova Anastasia Dmitrievna. ORCID: 0000-0002-2244-1478, bachelor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), anastasia.solovyova.7@mail.ru

The article analyzes the phenomenon of the "dream" in the artistic

world of the tale "Nevsky Prospect" by N.V. Gogol (the first publication was in 1835). It is reported that this phenomenon in the text has a dual character. On the one hand the dream is main character's attempt to realize the impossible ideal of unity of beauty and goodness. The character's dreaming absorbs the romantic content related with the desire to see both aesthetical and ethical perfection because beautiful outside is perceived by Piskarev as evidence of the divine sign on the person, of the fact that the beauty is a gift which must born in souls' the thought about purity and harmony. On the other hand the dream of the young artist Piskarev has a dark side. This phenomenon is an unconscious protest against the Creator, the result of self-deception and rejection of the real world in which each person can choose between virtue and vice freely thus not matching someone else's expectations including fully justified ones. The character has no power neither to give up his ideal which turned up its lack of vitality in the real world nor to wrestle with evil that's why he finds the exit in a dream as an alternative reality. In the article ambivalence of the dream in this tale is explained by particularity of the period of Gogol's spiritual path when he was writing "Nevsky Prospect" (1833–1834). The author wrote the tale when he was under influence both aesthetic-humanistic philosophy which declares unity of aesthetical and moral ideal and religious world view (Christianity) adopted since the childhood. The second one is characterized by negative perception of a dream.

Keywords: Gogol, "Nevsky Prospect", dream, ambivalence, ideal.

References

(Articles from Scientific Journals)

Агаева 1996 – Agayeva T.I. *Mifologizatsiya mechtatelya v Peterburgskikh povestyakh N.V. Gogolya* [Mythologizing of dreamer in “Saint-Petersburg Tales” by N.V. Gogol]. *Literatura ta kul'tura Polissya*, ed. 7. Nezhin, 1996, pp. 79–83. (In Russian).

Прасковина 2010 – Praskovina M.V. *Granitsa v povedi N.V. Gogolya “Nevskiy Prospekt”* [The border in the N.V. Gogol's novel “Nevskiy Prospect”]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, v. 12, no. 3 (3) (35), pp. 785–787. (In Russian).

Сокурова 2009 – Sokurova O.B. *“Peterburgskiye Povesti” Gogolya: opyt dukhovnogo prochteniya* [“Saint-Petersburg Tales” by Gogol: the experience of spiritual reading]. *Istoriya i kul'tura*, 2009, no. 7, pp. 128–157. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Бухаркин 1996 – Bukharkin P.E. *Mechta v russkoy traditsii. Istoricheskoye i transistoricheskoye v razvitiu imeni* [A dream in Russian tradition. Historical and transhistorical sides of the name's evolution]. *Name – Story – Myth*. Saint-Petersburg, 1996, pp. 178–94. (In Russian).

(Monographs)

Гиппиус 1994 – Gippius V.V. *Gogol'* [Gogol]. *Gippius V.V. Gogol. Zen'kovskiy V. N.V. Gogol.* Saint-Petersburg, 1994, pp. 9–188. (In Russian).

Зеньковский 1994 – Zen'kovskiy V. N.V. *Gogol'* [N.V. Gogol]. *Gippius V.V. Gogol. Zen'kovskiy V. N.V. Gogol.* Saint-Petersburg, 1994, pp. 189–338. (In Russian).

Манн 2012 – Mann Y.V. *Gogol'. Kniga pervaya. Nachalo: 1809–1835 gody* [Gogol. Volume 1. Beginning: Period 1809–1835]. Moscow, 2012. (In Russian).

Мочульский 2022 – Mochul'skiy K.V. *Gogol'. Solov'ev* [Gogol. Solovyov]. Moscow, 2022. URL: <https://urait.ru/bcode/497594> (In Russian).

Степанов 1959 – Stepanov N.L. *N.V. Gogol': Tvorcheskiy put'* [N.V. Gogol: Creative Development]. Moscow, 1959. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ste/ste-001-.htm> (In Russian).

Фаустов 2010 – Faustov A.A. *Esteticheskaya teologiya N.V. Gogolya (shest' lektsiy o povestyakh "tret'yego toma")* [Aesthetical Theology by N.V. Gogol (six lectures about tales of “Volume 3”)]. Text edition. Voronezh, 2010. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.08.2022